

Освальд Шпенглер

**СЕГОДНЯШНИЕ
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ
МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКОЙ
И МИРОВОЙ
ПОЛИТИКОЙ**

Освальд Шпенглер

**Сегодняшние отношения
между мировой экономикой
и мировой политикой**

«Издательские решения»

Шпенглер О.

Сегодняшние отношения между мировой экономикой и мировой политикой / О. Шпенглер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938188-0

«Сегодняшние отношения между мировой экономикой и мировой политикой» — доклад Освальда Шпенглера о мировой экономике и политике, представленный 9 ноября 1926 года членам промышленного клуба в Дюссельдорфе.

ISBN 978-5-44-938188-0

© Шпенглер О.
© Издательские решения

Содержание

Сегодняшние отношения между мировой экономикой и мировой политикой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сегодняшние отношения между мировой экономикой и мировой политикой

Освальд Шпенглер

Переводчик БП Languild

Редактор Р. А. А.

Корректор Яна Ерина

© Освальд Шпенглер, 2018

© БП Languild, перевод, 2018

ISBN 978-5-4493-8188-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Сегодняшние отношения между мировой
экономикой и мировой политикой**
*Доклад, представленный 9 ноября 1926 года
членам промышленного клуба в Дюссельдорфе.*

Несмотря на то, что Германия, которая во времена правления Бисмарка являлась важным субъектом и центром всемирно-политических решений, сегодня по большей части зависит от решений иностранных сил, чего никогда ранее не случалось ни с одной большой страной со времен эпохи Наполеона, и экономически зависит не менее, чем в военном и политическом аспектах, все еще остаются сложные вопросы экономического характера, которые требуют правильной постановки как для Германии, так и для ее экономического управления, чтобы в целом обеспечить возможность надлежащего решения проблем. Это – судьба, когда на отдельных людей возлагается такая ответственность, и они должны осознавать: чтобы судьба вверяла в их руки для управления все больше и больше областей жизнедеятельности, необходимо обладать определенным типом видения и умения решать задачи, и в этом и заключается непосредственно их обязанность – правильно видеть и принимать правильные решения. Тот, кто не может правильно увидеть крупную проблему, на практике добьется лишь губительных результатов. И на протяжении длительного периода времени я вижу, как эта опасность настигает немецкую экономику.

Я снова и снова высказываю мнение, что политика и экономика являются разными областями человеческой жизни, мыслей и деятельности, которые, однако, как страницы этой самой жизни, не могут быть отделены друг от друга; что политика, безусловно, является главной, и экономическая жизнь без надлежащего политического управления страной должна прийти к упадку. Это то, с чем не хочет смириться гордость экономического управленца.

Он слишком склонен отвергать работу политиков своим образом действий с рьяной надменностью и с ущербом для себя, но немедленно обращается к политике, как только и до тех пор, пока она, по его мнению, может быть использована в его интересах. Он хочет придать ей форму и направление, которые кажутся ему в настоящий момент самыми целесообразными для нее. Хотя сегодня эта закономерность во всем мире пока еще незначительная, поверхностная и ошибочная, она может стать злым роком, если политика сама по себе будет слаба и больна, не будет обладать собственными целями и гордостью и поэтому будет страдать от случайных и недальновидных вмешательств экономики. Экономическая жизнь народа всегда нуждается в самостоятельной, а не в уступчивой и подчиняющейся политике. Сегодня во всем мире мы видим противоположную картину, и в этом лежит причина того, что ни то, ни другое не может управляться правильно и безопасно. Поэтому необходимо выявить тесную взаимосвязь между великими силами политики и экономики, которая непрерывно продолжается и неизбежно меняется с течением исторических эпох, чтобы таким образом установить ее положение сегодня и понять, как она будет изменяться в определенном направлении в последующие десятилетия.

Время значительных всемирно-политических комбинаций с экономической предпосылкой, начавшееся во второй половине прошлого столетия, еще не закончилось. Напротив, эти комбинации утратили [свою прежнюю] форму и стремятся к новой [форме] иного рода, и мы находимся в центре этого развития. Без связи с внешней политикой и без ее поддержки

не существует экономической силы и, вероятно, экономической возможности. Также и в условиях игнорирования экономических нужд практически невозможно сформулировать даже малейшую национально-политическую цель.

Когда я говорю о взаимосвязи между мировой экономикой и мировой политикой, я полностью понимаю, что еще несколько десятилетий назад их взаимозависимость частично недооценивалась и частично вообще не замечалась. Не так давно экономика ключевых индустриальных стран воспринимала политическую деятельность в отношении себя как нежелательное вмешательство дилетантов, а занятие политикой самого экономиста в его окружении считалось чуть ли не подтверждением своей несостоятельности [как специалиста], доказательством тщеславия и дилетантства; во всяком случае, полагалось, что можно использовать экономическую тактику в широком масштабе, исключая при этом чисто политические факторы, которые в то же самое время непосредственно использовались в дипломатической игре. Поэтому необходимо понимание тесной связи двух областей власти, которая существовала на протяжении многих лет в прошлом и которая будет сохраняться в течение многих лет в будущем. [На сегодняшний день] существенным образом изменилась не только внутренняя форма самой экономики, не только мировая политика с ее целями, формами и средствами воздействия, но, прежде всего, и отношение между экономикой и политикой, а именно это является основной причиной катастроф с 1914 года, так как такое отношение стало противоположно тому, которое сформировалось приблизительно в эпоху начала правления Бисмарка.

Теперь, когда я говорю о сегодняшней взаимосвязи политики и экономики, я не имею в виду этот или последующие годы. Ошибочно рассматривать экономику только в перспективе «до следующего баланса». Кризис, который можно «преодолеть» в течение пары лет – это вообще не кризис, а лишь незначительное затруднение. И можно заблуждаться по поводу степени тяжести кризиса, который только начался, но еще не закончился. Важные проблемы, которые по ходу своего развития затрагивает мировая экономика, имеют столетний характер. Такие проблемы требуют десятилетий на свое проявление и десятилетий не на то, чтобы прийти к их «решению», а на то, чтобы достичь органической формы, из которой затем возникнут новые проблемы. Все значительные вопросы, которыми страдает сегодня международная экономика, существовали еще до войны. Нет ничего действительно нового, что появилось бы с того времени. Они были преобразованы, смещены и обострены войной и ее последствиями, но никогда нельзя понять *их* глубокую сущность, если не знать, насколько они стары. Проще говоря, речь идет о том, что в течение 19 века народы Западной Европы, если так можно выразиться – «белая раса», сформировали свое политико-экономическое бытие в соответствующей форме, которая уже к концу 19 века не могла больше сохраняться. Мы являемся наследниками этого столетия и должны принимать и преодолевать его последствия.

Все, что происходило в истории, совершалось не между группами заинтересованных или отдельных лиц, а между крупными живыми организмами, которые мы определяем как государства, т. е. политически организованные народы. Это также касается и экономики. Необходимо ясно понимать, что от столетия к столетию важные вопросы и тенденции развития экономики обладали требованием наличия организованного народного и государственного аппарата, которые вместе представляют собой тело экономики. Международная экономика – это сумма того, что происходит в этих телах и прежде всего в каждом из них отдельно. Она является очень рассыпчатой структурой, состоящей из множества экономических субъектов, и если считать, что международную экономику можно рассматривать, как отдельный субъект, ведущий свою внутреннюю и внешнюю деятельность, то в будущем, как и всегда, это приведет к самым тяжелым экономико-психологическим ошибкам. Мы не только очень отделились от этого, мы

вообще никогда к такому не приходили. Международная экономика всегда состояла и всегда будет состоять из ряда национальных экономик, и история международной экономики будет по большей части состоять из настроений и событий, которые развиваются между этими телами вследствие их собственной жизни. Но сами эти тела, которые в течение последних десятилетий управляли судьбой экономики или пострадали от нее, сформировались по большей части в эпоху Наполеона.

Когда с Венским конгрессом политическая форма «белых государств», включая Россию, в отличие от государств неевропейских континентов, достигла определенной консолидации, то эта структура отличалась от системы 18 столетия тем, что династические формирования фактически или впоследствии были преобразованы в национальные государства. Как известно, Германия и Италия сначала должны были обрести эту форму. Она была создана в 1815 году, и если в ином случае сильная власть, как например, в Австрии, в течение 19 столетия пришла в упадок, то это было связано с тем, что ее форма не являлась национальным государством и не могла им быть. В этом заключается беспредельная важность, поскольку в течение целого столетия национальные государства, а именно географически ограниченные народные объединения с единым родным языком, были единицами, в которых развивалась современная экономика. В частности, не было бы крупных портов в Одессе или Триесте, если бы не было российского или австро-венгерского государства. Не было бы никакого преимущества Гамбурга перед Любеком и Бременом, если бы за ними не находилась Эльба со столицей 70-миллионной страны. В формировании крупных торговых городов, промышленных центров и транспортных путей ключевую роль играет то, где пролегают границы государства, внутри которых экономическая жизнь образует замкнутую единицу. Так как эти государства уже существовали, то экономика 19 века, а также промышленность и транспортное сообщение, приспособились к условиям политической географии, а именно – образовали такую органическую форму, что преднамеренное разрушение или уничтожение такого больше не молодого экономического тела [в виде государства] является катастрофой (как мы восприняли это на Востоке), которую нельзя воспринимать достаточно серьезно. Верхняя Силезия являлась единицей, которая простым пересмотром границ не могла быть разделена на две жизнеспособные части также, как «пан-Европа» едва ли может быть преобразована в экономического индивидуума посредством отмены границ.

Правительства этих государств вследствие внутренних очень сильных, надпартийных и поэтому больше дипломатических, чем экономических раздумий, почти в течение всего 19 столетия практически не обращали внимания на тот факт, что государства были также и экономическими единицами. То, что мы называем сегодня «манчестерской школой», в сущности являлось «самотеком»¹. С одной стороны, обязанностью правительства, разумеется, являлось развитие экономики в общем смысле, без каких-либо конкретных понятий, целей и методов, связанных с ней. С другой стороны, понятие «частное хозяйство» было сформировано в таком смысле, который сегодня утрачен. В частности, в Англии, как и в Германии первых лет правления Бисмарка, независимость экономического развития от любого политического взгляда была до такой степени абсолютна, что мы сегодня себе этого и представить не можем.

В результате, начиная с эпохи Наполеона и в течение целого столетия, в мире образовался ряд политически сильных держав, которые включали в себя только белое население и которые одновременно являлись единственными и исключительно влиятельными экономическими единицами. Это очень существенное отличие от 18 века: ни одно из «цветных» государств

¹ Фр. «laissez aller»

не принималось во внимание – ни Турция, ни Китай, ни Япония, ни Персия, хотя Турция в 18 веке все еще была серьезной, великой державой, которая также играла роль в Европе. Великие державы из представителей белой расы полностью преобладали в это время. Они определили экономическую форму мира и его разделение на производящие и потребляющие сферы без малейшего противодействия с какой-либо стороны, и они привели формирование политической организации мира в этом столетии к определенному завершению.

Это – наследие прошлого, которое мы имеем сегодня и в условиях которого мы находимся. Если 20 век, в котором мы живем и на который работаем, оставит после себя новые формы, которых во всяком случае пока нет, тогда то, что мы переживем в больших кризисах и катастрофах – это муки рождения новых сил и форм, которые будут образованы из старых по воле человека или против нее, так как они предрешены для грядущей эпохи.

Так, в первой половине прошлого столетия произошла революция, не имеющая примера во всемирной истории, а именно революция в области производства. Речь идет о масштабном возникновении машиностроительной промышленности. Если бы мы могли взглянуть глазами историка из отдаленного будущего на то, что тогда происходило, потому что сегодня прошло еще слишком мало времени, чтобы увидеть весь невероятный размах этого события, то должна появиться картина населения, которое находилось в замедленном движении практически целое тысячелетие, а потом резко двинулось вперед вследствие чего-то похожего на взрыв, который, как мы сказали, не имел себе в прошлом ничего равного. Это очень значимо для экономических последствий, когда толчок к такой радикальной перемене всех экономических отношений исходит не от практической необходимости или практики в целом, а от психологического импульса, который изначально находится за пределами экономического аспекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.